

Автобиографические страницы лысьвенских ветеранов войны и труда

Ковина Анна Ивановна

Аня – наш вожак!

Кандидатом в члены партии я стала в апреле 1940 года. Работала тогда в цехе № 10 нормировщиком. Секретарем партийной организации цеха была Кощеева Феня. Уже будучи кандидатом в члены КПСС, я была избрана членом ревизионной комиссии горкома ВЛКСМ и работала в ней до 1942 года.

В апреле 1941 года меня включили в группу по расчету мобилизационного плана завода. Руководил группой Аркадий Исаакович Трегубов. На расчетах мы были заняты сутками, отдых давался на 3 часа, спали тут же в отделе. Расчет мобилизационного плана мы закончили в часовой утра 22 июня. На этот день нам всем дали путевки в дом отдыха «Сокол». Мы играли там всей группой в волейбол со студенческой командой. После игры идем по направлению столовой. Пересекая нам дорогу, бежит женщина и плачет. Мы ее остановили спросили, в чем дело. Она глянула на нас строго и спросила, откуда мы свалились, что ничего не знаем: «Война,- говорит,- Германия войну объявила». Так стало тяжело на душе после такого веселого дня.

Перестройка всей работы в цехе проходила быстро, слаженно. Перестраивалась и работа партийной организации. Определили сразу все позиции партийной работы. Была организована редколлегия для выпуска ежедневного боевого листка «За победу», выбраны главный редактор и 7 сменных. Грамотность у всех была невысокой, и мне приходилось быть редактором и художником. Сама оформляла весь боевой листок. Материал писали активно, отражая всю жизнь цеха, писали о людях, о рекордах, выполнении обязательств и даже о детях, которые учатся в школе.

У партийной организации цеха хватало сил и времени заниматься военным делом. Большинство молодежи обучались по 110 часовой программе. Когда закончили учебу, нас. Молодых коммунистов, направили в школы обучать военному делу учащихся. Проводили занятия в основном по изучению пулемета «Максим» и винтовки образца 1891 года. Все это делалось в неурочное время после работы. Ребята с большим желанием изучали военное дело.

Партийная организация очень оперативно решала все вопросы жизни цеха. Однажды завод не стал получать медные пояски для изделий нашего цеха. Собрали партбюро совместно с администрацией и профсоюзной организацией. Посоветовались, подумали и

решили вернуть снаряды, которые раньше были забракованы и вывезены на особый склад, снять с них медные пояски и использовать вторично. Дело было в январе, все склады занесены глубоким снегом. Выкапывали снаряды, грузили на платформы и доставляли их в цех. Положение с выпуском продукции, так необходимой фронту, было спасено.

Работали после 12-часовой смены в основном коммунисты, комсомольцы и ИТР во главе с начальником цеха Обориным Николаем Абрамовичем. Николай Абрамович был хороший организатор, стойкий коммунист, душа коллектива.

С 1939 по 1942 год я была секретарем комсомольской организации цеха № 10. Приходилось отправлять молодежь на фронт. Проводы, как могли, мы старались делать интересными. Секретарь партийной организации Кошечева, начальник цеха Оборин никогда не были в стороне. И сейчас, по истечении 45-46 лет, встречают меня уже убеленные сединами «ребята» и вспоминают, как мы их провожали на фронт, называют меня «наш вожак».

Неспокойно было на душе у секретаря Кошечевой и у меня, как главного редактора боевого листка, за то, что очень бедно оформлялись наши ежедневки. И вот однажды, обходя участки, вижу, какой-то черный мальчуган, сидя за столом рядом с учетчицей, рисует ее на вкладыше-дощечке из упаковочного ящика, и, что интересно, это была копия Гали-учетчицы. Я спросила, что это за мальчик. Галя рассказала о том, что спит он в цехе в ящиках, что его в общежитии обижают, и он не ходит туда. Я взяла мальчика за руку и повела к Николаю Абрамовичу. Начальник цеха Оборин решил все быстро. Он дал мне мыло и мочалку, велел вымыть мальчонку и во что-нибудь одеть. Когда вымыли мальчика он оказался беленьким симпатичным Леней Пайю. Николай Абрамович не узнал его и спрашивает:

- Что, еще один?

С того времени наша ежедневка расцвела и стала истинно боевой газетой. После того, как Леопольд Павлович Пайю стал работать у нас художником, наглядная агитация в цехе стала самой лучшей на заводе.

Основными жизненно важными вопросами нашей цеховой партийной организации были вопросы выпуска качественной продукции. Однажды работники ОТК забраковали в партии несколько снарядов и с производства была снята вся партия. По чьему-то необдуманному решению партий снарядов была уложена на земляной пол в недостроенном пристрое цеха. Там они несколько дней и лежали, в результате чего анна корпусах появилась коррозия. Увидели это работники госбезопасности – часты гости нашего цеха – подняли все на ноги: работников военпредства и ОТК, начальника цеха и меня, как начальника планового отдела цеха. Приказано было исправить брак и пустить в производство. И опять коммунисты, комсомольцы и ИТР цеха обрабатывали эту партию. выводили каждое коррозийное пятнышко и пускали в дальнейшую обработку до готовности. Это был 1943 год.

В январе 1944 года в стране был призыв молодежи на восстановление Харьковско-го тракторного завода и самого города Харькова. Я написала заявление в Министерство, мне пришло разрешение и указание директору завода направить меня в Харьков. Директор завода т. Белобров и начальник отдела кадров т. Худеньких А.И. непустили меня. «Нам самим нужны кадры ИТР,»- сказал Худеньких. Через некоторое время вызывают меня в отдел кадров и предлагают пойти работать в совхоз по подготовке кормов к весенней посевной сроком на 3 месяца. Я согласилась, мечтая, о том, что из совхоза я быстрее сумею вырваться на фронт или в Харьков. Вместо 3-х месяцев в совхозе я проработала чуть не 3 года. Там я встретила окончание войны.

Утром 9 мая вызывает нас всех коммунистов – руководителей директор совхоза Филимонов В.В. и объявляет об окончании войны, поздравляет всех с победой и говорит о том, что надо известить всех живущих на отдаленных участках. Мне достался участок Кабаны, где был скотный двор телятник и бригада трактористов, работающих на раскорчевке. Дали мне лошадь и, хотя я на лошади никогда не сидела, хотелось поскорее известить людей о победе. Не заметила, как проехала 6 км. Подъезжая к деревне, кричала, махала

рукой, а люди уже сбегались, поняли, что я привезла весть об окончании войны. Обнимались, многие плакали- настолько велика была радость людей.

Закончилась война, и жизнь на заводе продолжалась.

На бывшем заводе Иванова руководящий состав был в основном из числа эвакуированных и по окончании войны они все разъехались породным краям. Меня направили работать на этот завод мастером, а через 3 месяца перевели работать начальником ОТК. В этой должности я проработала 3 года вместо «временно», сказанного мне в горкоме ВКП(б).

В парткоме тогда работала Заключение А.П. Этот беспокойный организатор не давал покоя никому. Мне сразу же были даны поручения - агитатор, секретарь или председатель на избирательных участках.

В 1951 -м году завод Иванова перестал существовать. Предприятие стали именовать артелью, и я решила вернуться обратно в ООТ инженером по технормированию, но через несколько лет перешла в цех ремонта металлургических печей нормировщиком. В этом цехе проработала до выхода на пенсию.

16 лет в рабочем коллективе под руководством Пирли Д.Ф. дополнили мой жизненный опыт. Его неиссякаемая энергия заражала нас всех. Может быть, по этой причине цехз никогда не был в числе отстающих.

В цехе я была руководителем экономической школы, редактором цеховой газеты «Каменщик», членом профсоюзного комитета, а в последние 4 года – секретарем партийной организации. На протяжении 17 лет утверждалась и работала в комиссии по приему и персональным делам коммунистов при парткоме ЛМЗ.